

МАССОВЫЕ ЭТНОФОБИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОПЫТ КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В фокусе предпринимаемого исследования – воздействие массовых этнофобий в Российской империи – 1863 г. (полонофобия), 1865 г. (германофобия) и 1881-1883 гг. (юдофобия) на общественное сознание. Каков механизм воздействия столь одиозных явлений на процесс кристаллизации этнической и конфессиональной идентичностей? Какие факторы благоприятствуют «запуску» подобного механизма? Как этот механизм «работает» в реальной атмосфере массовой этнофобии?

Хронологические рамки проблемы ограничиваются второй половиной XIX в. Это эпоха зрелой империи, сублимировавшая разнородные процессы самоидентификации, которые с той или иной мерой интенсивности протекали внутри многоукладного российского социума. Вместе с тем, эта эпоха стала своего рода рубежом качественно новых, модернизационных процессов, обусловленных усугублявшейся секуляризацией религиозного сознания, актуализацией доселе неизвестных для российского сознания понятий – таких, как этническая общность, нация, национальность...

Теоретическую основу исследования составляет концептуальный раздел глобального проекта «Imperial spaces, national boundaries: Situating Russia», разработанный профессором Р.Суни и другими авторами. В качестве понятийного аппарата используются дефиниции, которые были выработаны на июньском семинаре 2001 г. в Подмоскowie совместными усилиями участников проекта (в первую очередь, профессора П.Саллина).

Исследование базируется на документальных материалах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), а также на многочисленной научной литературе. Материалы, освещающие событийную канву массовых этнофобий в Российской империи, отложились в фондах Департамента полиции (ф.102, ф.109, ф.110, etc). Наиболее ценными среди материалов Департамента полиции представляются документы, дающие определенную информацию о восприятии реальными участниками и очевидцами событий, сопровождаемых массовыми этнофобиями, самих себя и друг друга. В этих документах присутствуют любопытные автохарактеристики, позволяющие сквозь призму той или иной фобии фиксировать моменты самоидентификации – на уровне целых групп и даже масс (речь идет прежде всего об этнической самоидентификации, но также и о конфессиональной).

Во вступительной части исследования дается общая картина, тот конкретно-исторический фон, на котором в России второй половины XIX столетия разворачивались события, сопровождавшиеся вспышками массовых этнофобий. В этом разделе рассматривается совокупность политических, экономических, культур-

ных и прочих факторов, которые определяли состояние российского социума эпохи поздней империи и обусловили процесс поиска новых идентичностей...

Первая часть исследования посвящена реакции российского общества – на разных его уровнях – на польское восстание 1863 г. Недовольство верховной власти польским сепаратизмом, на редкость единодушно поддержанное снизу, было многократно усилено за счет общественного возмущения, обернувшегося массовым проявлением полонофобии. В разделе освещаются причины этого одиозного общественного явления. Вместе с тем, основное внимание уделяется моментам противостояния поляков, изначально осознававших себя как единый этнос, нацию, и огромного числа граждан империи, по мере углубления этого противостояния начинавших осознавать и себя как некую этническую общность, а именно – нацию русских. Дополнительную остроту этой коллизии придавал и болезненный раскол по линии православие-католичество.

Во второй части исследования освещается сюжет, в котором повествуется о развязанной в российской прессе антинемецкой кампании в 1865 г. и вспыхнувшей вследствие этого в некоторых кругах российского общества герmanoфобии. Более значимым, нежели причины самого явления (обусловленного в первую очередь неприятием чрезмерного, по мнению многих, немецкого влияния внутри правящего двора) представляется процесс кристаллизации русской этноидентичности. Каким образом и в какой мере статьи антинемецкой направленности, помещенные на страницах газет и журналов, преимущественно, консервативно-патриотического направления, воздействовали на читателя – если и не на самую многочисленную часть населения империи, то, во всяком случае, более продвинутую, образованную? При всей чужеродности лютеранского вероучения канонам ортодоксальной церкви, в антинемецкой кампании никак не проявился конфессиональный фактор.

В третьем разделе освещаются события грандиозных еврейских погромов 1881-1883 гг. – вновь сквозь призму самоидентификации участников противостояния, т.е. агрессоров и жертв. Здесь наиболее интересным представляется тот факт, что, в отличие от предыдущих двух случаев (полонофобия и герmanoфобия) на первом плане выступала огромная народная масса (самая косная и невежественная часть российского общества), едва ли не впервые объединившаяся не только на социальной или конфессиональной основе, но и на этнической. Мотивации погромщиков, озвучиваемые ими же самими мотивы собственных действий, не ограничивались привычным «экономическим гнетом со стороны евреев» или не менее привычными «непреодолимыми религиозными противоречиями»; они сводились к констатации чувства «обиды», якобы нанесенной евреями р у с - с к и м (!). Отныне речь уже шла не об абстрактном крестьянстве или православных, но – о русском народе. Так массовая юдофобия, охватившая население юго-западных губерний государства, парадоксальным образом способствовала консолидации русского этнического сознания на самом низшем уровне социальной иерархии. В форсировании этого процесса определяющее значение имел конфессиональный фактор («традиционные» конфессиональные противоречия, извечный антагонизм культурно-бытовых взаимоотношений иудеев и православных, etc).

В заключительной части исследования обобщаются результаты анализа массовых этнофобий, как моментов кристаллизации этноконфессиональной идентичности в Российской империи. При явной разнородности причин, породивших эти этнофобии, все они детерминировали процесс самоидентификации русских – и в разгар полонофобии, когда осознание собственной идентичности стимулировала конфронтация с социально более продвинутым этносом; и в разгар юдофобии, когда происходило то же самое, с той только разницей, что на противоположной стороне находился социально отстающий этнос; и даже на волне германофобии, отчасти навязанной и внушенной обществу сверху.

Эта историческая ретроспектива не может не рассматриваться в тесной связи с современным состоянием российского общества, переживающего переломный момент поиска новой идентичности, вследствие утери в 1991 г. советской имперской, вненациональной идентичности.

Сюжеты о массовых этнофобиях второй половины XIX столетия, как мне представляется, могут быть весьма познавательными для понимания природы сегодняшних массовых фобий внутри разрозненного российского общества, нагнетание которых серьезно искажает процесс обретения российской национальной идентичности.